

ДУХ МАРИСА ЛИЕПЫ ВИТАЛ В ПУРПУРНОМ ЗАЛЕ

Праздник балета в Большом театре

Они очень разные — юные звезды Мариинского балета. В танце Дианы Вишневой сверкают краски безоблачного дня, в Одиллии Ульяны Лопаткиной царят предгрозовые сумерки, Светлана Захарова — Жизель — словно сама ночь с ее призраками и роковыми тайнами.

Они — звезды — чем-то похожи друг на друга. Приметами большого «петербургского» стиля. Строгим, академическим изложением хореографии. Иногда званиями, оценочными эпитетами — подчас несколько опасными для молодых исполнителей. Шутка сказать, Лопаткину и Вишневу величают «божественными». Но уж раз «божественная», то изволь сделать фуэте безукоризненно, остановиться без помарок, чего, увы, не удалось Лопаткиной (то ли одолело волнение, то ли планшет непривычен?...). А вот малоизвестная москвичка Захарова, пока не увенчанная лаврами, танцевала действительно божественно — иначе и не скажешь. Так, может, не в званиях дело, а «просто» в наличии индивидуальности и таланта?..

На сей вопрос ответил гала-концерт, показанный в Большом театре и посвященный открытию Международного благотворительного фонда имени Мариса Лиепы. Не всякий режиссер рискнет так близко объединить в программе гениальные образцы наследия прошлого и нынешнего столетий — творения Мариуса Петипа, Джорджа Балланчина и работы современных постановщиков — Уэйна Иглинга, Вероники Смирновой, Владимира Васильева. Режиссер гала-представления Андрис Лиела рискнул. И добился чрезвычайно острых стилистических контрастов, «перепалов», чередований взаимоисключаемых образных систем.

Не всякая танцовщица отважится соседствовать с мариинскими «звездами». Илзе Лиела отваживается. И только выигрывает. Масштаб творческой личности; ни у кого не позаимствованные приемы — пластические, танцевальные, актерские; редкостный, будто наследственно усвоенный изысканный артистизм — вот комплекс качеств, необходимый, чтобы выглядеть единственной и неповторимой.

И притом — сквозь все балетные условности, сквозь границы меж сценой и зрительным залом излучать искренность чувства. Именно такой искренностью эмоционального самозъявления овевая миниатюра «Ворон», сочиненная Вл. Васильевым и Илзе Лиела. Трепет печали и скорби — в музыке Микиса Теодоракиса, в гулком и грустном звучании меццо-сопрано. В своей неторопливости, в некоторой даже заторможенности, в затаенной душевной боли, в траурной дымке «крылатого» черношифонового костюма «Ворон» выглядит целой повестью жизни — об утратах, о сомнениях, об одиночестве, о неисповедимых путях человеческого...

Более, чем «Ворон», знакома публике «Павана», в свое время исполненная Илзе вместе с темпераментным, стремительным, рыцарственным Гедимином Тарандой. Так же хорошо знают зрители «Иступленную песнь Федры» на музыку А. Тертеряна и Г. Канчели в замечательных авангардных декорациях и костюмах по эскизам Т.Тэжика и Р.Хамдамова.

Однако с каждым новым показом Илзе Лиела открывает в своих трактовках множество новых оттенков, неведомых ранее настроений, неожиданных интонаций в общении с партнером. Оба партнера — новые. Марку Перетокину в «Паване» пока свойственна известная внутренняя скованность. Что касается Ипполита в исполнении Ивана Корнеева («Московский классический балет»), за его прочтением видится дальняя, просторная и увлекательная перспектива. Прекрасная работа прежнего исполнителя (а справедливее сказать — сотворца) роли Ипполита — Владимира Кириллова ни в чем не повторена. Мягкая, лирически-созерцательная манера Кириллова заменилась яростным, жестким, подчас агрессивным сценическим почерком Корнеева. И обновленная «Федра» захватывает зрителей безоговорочно и бесповоротно. На наших глазах складывается значительный, интересный новый дуэт.

А ведь удачный, согласованный, уравновешенный балетный дуэт сейчас встречается все реже. И даже благополучная, прославленная «Мариинка», судя по гала-концерту, испытывает явный недостаток именно в этом. Легкий, инфантильный, низкорослый Андриан Фадеев не очень ассоциируется в нашем зрительском восприятии с партией Альберта, предназначенной все-таки для настоящего премьера Евгений Иванченко — Зигфрид внешне весьма эффектный и картинный, не всегда был внимателен к своей Одиллии, к тому же обнаружил в позировках некоторую неустойчивость. Казалось бы, один лишь Вячеслав Самодуров блистал в соло из балета Ханса ван Манена на музыку Астора Пьяццоллы «Пять танго» и в па-де-де Баланчина на музыку Чайковского. Но если говорить строго профессионально, перед нами опять-таки сверхвиртуозный танцовщик **деми-классического** плана, но не балетный

«премьер божьей милостью».

Еще одна проблема балета на современном витке его существования: соответствие истинного амплуа исполнительскому репертуару. Так, солист Большого театра Андрей Уваров выглядит в облике принца Дезире небезупречно, кажется несколько флегматичным, сонным, чуждым праздничности, торжественности, изначально заложенных в хореографическом тексте «Спящей красавицы». Что же касается Светланы Уваровой — Авроры, солистка Большого театра в лучшем случае могла бы появиться в партии Белой Кошечки или Красной Шапочки из заключительного Парада сказок.

Вышеизложенные «цеховые соображения» отнюдь не помешали всем признакам успеха. Бурные аплодисменты, нескончаемые цветы. Прочувствованное и очень теплое слово Владимира Васильева о Марисе Лиеле. Краткая, но взволнованная речь Андриса Лиелы с благодарностью всем спонсорам (попечители Фонда — «Джонсон и Джонсон», авиакомпания «Трансаэро», «Парекс-банк», «Муса Моторс», гостиница «Москва». Информационная поддержка — информационно-издательская компания «Московские новости», телекомпания ТВ-Центр).

Концовка всей программы оказалась трогательной и многозначительной. В глубине и высоте возник знакомый портрет Мариса. В стройном дефиле прошли все звезды. И цветы — приношение Марису, светлой памяти великого артиста — обрели свое место перед портретом. А Мастер, чей дух, наверное, витал в эти мгновения в его родном пурпурно-золотом зале, словно благословил своих детей и их товарищей по искусству на долгий и смелый путь исканий...

Елена ЛУЦКАЯ.
Фото Михаила ЛОГВИНОВА.

Трещ. — 23 окт. — 1997. — с. 4.